

The article analyzes the political preferences of the medical intelligentsia during the revolution of 1917 and the first months of Soviet power. It is noted that most doctors were reserved about changing political regimes. On the example of the Urals, the author showed that among the many reasons that pushed physicians away from the Soviet government were the class approach to medicine by the Bolsheviks, their distrust of doctors, and the policy of the collapse of the empire.

Keywords: revolution, the Russian empire, the class approach to medicine, doctors, the Urals health system.

DOI 10.26170/vvi17-01-33

Код ВАК 07.00.09

М. В. Шистеров

РИМСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ В ПОСТИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (О некоторых особенностях «постколониальной историографии»)

Статья посвящена концепту «римский империализм» в современной англо-американской историографии. Автор выявляет некоторые особенности новейшей историографии, разбирают ряд дискуссионных вопросов, связанных с пониманием римского империализма, романизации, римскости, коллективной идентичности в Римской империи. В статье рассматриваются новые подходы к пониманию феномена римского империализма.

Ключевые слова: Древний Рим, Римская империя, романизация, римский империализм, римскость, историография.

«Современная литература о римском империализме... сама по себе является частью империалистического дискурса, удивительно долговечного в постколониальную эпоху», – написал в 1997 году известный британский археолог-романист Дэвид Дж. Маттингли⁷⁶⁸. Мысль, примечательно созвучная общей идее американского культуролога и литературоведа, критика ориентализма Эдварда Саида (1935-2003): «культура Запада» в самом широком смысле слова, включающем и культуру мышления, и, разумеется, такой специфически европейский нарратив, как «историческое исследование», в значительной степени была сформирована новоевропейским империализмом и продолжает сохранять многие присущие ему черты⁷⁶⁹. Свое-

Шистеров Максим Валерьевич, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26), кандидат исторических наук.

Maxim V. Shisterov, associate professor of the Department of General History of Urals State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: mshisterov@rambler.ru.

⁷⁶⁸ Mattingly 1997: 8.

⁷⁶⁹ В работе «Культура и империализм» (1993 г.) Э.В. Саид анализирует имперские черты европейской (и американской) культуры на материале, прежде всего, конкретного

образно иллюстрирующий этот тезис англо-американский историографический дискурс о римском империализме, сложившийся более ста лет назад в эпоху «раздела мира» и «Великой войны» усилиями нескольких поколений ученых и публицистов, в том числе таких разных авторов, как родившийся в Австралии английский писатель и журналист Уильям Томас Арнолд (1852-1904)⁷⁷⁰, соавтор первого издания «Кембриджской истории древнего мира», член Британской Академии, американский историк-классицист Тенни Франк (1876-1939)⁷⁷¹ или блистательный британский эссеист и историк, «великий ритор теоретического оправдания империи»⁷⁷² сэр Джон Роберт Сили (1834-1895)⁷⁷³, в конце XX века стал для англо-американского антиковедения «историографической привычкой»⁷⁷⁴, однако в новом тысячелетии усилиями историков «критического направления» подвергся «деконструкции». Даже самый поверхностный анализ современной англо-американской историографии представляет достаточно материала для подобных умозаключений.

Упомянутый выше член Британской Академии профессор археологии в университете Лестера Дэвид Дж. Маттингли в недавно опубликованной работе «Империализм, власть и идентичность: опыт Римской империи»⁷⁷⁵ стремится подвергнуть критике по-прежнему распространенную в антиковедении позицию, согласно которой римское влияние на завоеванные территории – провинции, подвергшиеся так называемой романизации, было в основном позитивным. При этом показательно, что британский исследователь концептуально сближает Римскую империю с новоевропейскими «капиталистическими морскими империями» Запада и «американской авианесущей империей» (*American airstrip and aircraft carrier empire*) конца XX – начала XXI вв., отграничивая ее, в то же время, от прочих архаических империй древности⁷⁷⁶. Следуя разработкам современных «империологов», Д. Дж. Маттингли определяет «империю» как «геополитическую манифестацию отношений контроля, налагаемых государством на суверенитет других» и «как правление над наиболее обширными территориями и многими народами в значительной степени без их на то согласия»⁷⁷⁷. Римский империализм, таким образом, отличается от империализма Нового и

художественного жанра – романа, но касается и такого нарратива как «историческое исследование» (См.: Саид 2012).

⁷⁷⁰ Arnold 1906.

⁷⁷¹ Frank 1914.

⁷⁷² Саид 2012: 232.

⁷⁷³ Seeley 1889.

⁷⁷⁴ На это, в частности, указывает широкое использование концепта «римский империализм» в таких изданиях, как «Оксфордская история римского мира», новое издание «Кембриджской истории древнего мира»: Boardman (ed.) 2001 (1nd 1986); САН 2006 (1nd 1996); САН 2007 (1nd 2000).

⁷⁷⁵ Mattingly 2011. См. также: Медовичев 2013.

⁷⁷⁶ Mattingly 2011: 7.

⁷⁷⁷ Ibid.: 6.

Новейшего времени более формой, нежели сущностью: «империализм следует понимать как динамичный и изменяющий форму процесс»⁷⁷⁸. Кроме того, британский исследователь связывает римский империализм (даже империализмы⁷⁷⁹) с феноменом глобализации и колониализмом⁷⁸⁰, что опять-таки позволяет сближать архаические практики древнего мира с реалиями новейшего времени. Отсюда и весьма скептическое отношение автора к традиционному концепту романизации, предполагающему, как убежден Д. Дж. Маттингли, однолинейное культурное воздействие империи на подвластные территории: «фактически, в каждой провинции империи, и даже в самой Италии, все больше свидетельств местного влияния на сложившуюся культурную модель (cultural pattern), наряду с элементами римской метрополийной или импортированной провинциальной культуры»⁷⁸¹. Британский историк и археолог прямо призывает отказаться от термина «романизация» и «использовать другие интерпретационные рамки для изучения культурного разнообразия империи» (например, модель «креолизации»), разрабатываемую Джейн Уэбстер и ее коллегами по Школе археологии и античной истории в Университете Лестера⁷⁸² и имеющую явные связи с «теоретическим багажом» исследователей, изучающих, к примеру, историю американского рабовладельческого «Юга»⁷⁸³.

Последовательным критиком концепта романизации, остающегося во многом ключевым в дискурсе о римском империализме, является также профессор факультета археологии Даремского университета Ричард Хингли, который справедливо обратил внимание на исторические условия формирования этого концепта, материалом для которого послужила европейская колониальная культура и политическая практика XIX в.⁷⁸⁴ Традиционное представление о романизации как процессе «окультуривания» варваров, привития им римского этоса и законов требует, по мнению автора, коренного переосмысления⁷⁸⁵. Р. Хингли предлагает более сложную концепцию, в рамках которой римские культурные паттерны обеспечивали символические и материальные средства для провинци-

⁷⁷⁸ Ibidem.

⁷⁷⁹ «...не было такого явления, как один-единственный римский империализм; мы должны говорить о римских империализмах и признать, что природа изменяющейся империи была не подвластна какому-либо одному человеку» (Mattingly 2011: 17)

⁷⁸⁰ Ibid: 15-17, 30 ff.

⁷⁸¹ Ibid: 40.

⁷⁸² Дж. Уэбстер понимает креолизацию не только как «лингвистический термин, указывающий на слияние двух языков в один смешанный диалект», но как термин, пригодный для обозначения процессов «мультикультурной подгонки, в результате которой возникли афро-американское и афро-карибское общества», предлагая использовать его для интерпретации «материальной культуры (включая искусство) в римских провинциях» (см.: Webster 2003: 40 ff).

⁷⁸³ Mattingly 2011: 40-41. Возражения против «романизации»: Ibid: 38-39.

⁷⁸⁴ Hingley 1996.

⁷⁸⁵ Hingley 2005: 2.

альных элит, при помощи которых в дальнейшем ими конструировались самостоятельные локальные культурные модели. На основе этих моделей жители римских провинций смогли развить более сложную идентичность, которую они бы никогда не сформировали без участия Рима, предоставившего им пригодный язык, чтобы выразить ее. Автор подчеркивает, что «географическая протяженность империи и ее историческая стабильность были обусловлены податливостью (*malleability*) римской идентичности... [Римская] культура была не ясным и монолитным феноменом, но скорее способом, при помощи которого определенные люди конструировали смыслы посредством практик символической репрезентации»⁷⁸⁶.

Близкое к интерпретации Р. Хингли понимание «римской идентичности» сформулировала исследовательница римской архитектуры и эпиграфики из Университета Саутгемптона Луиз Ревелл, которая проблематизирует такие понятия, как «римский» и/или «римлянин» (*Roman*), ставит задачу «деконструировать» их, понятийно и концептуально апеллируя к постмодернистским исследовательским техникам⁷⁸⁷. Сложность определения указанных понятийных категорий, которая часто скрадывается в конкретно-исторических исследованиях, заключается, по мнению автора, в том, что под ними может пониматься и тип материальной культуры, и этническая принадлежность, и географическое местоположение, и хронологический период, и многое другое. Как альтернативу традиционным ограниченными и неаутентичным концептам «романизации» и/или *Romanitas*, Л. Ревелл использует понятие «римскость» (*Roman-ness*), которое определяется через интерпретацию «римского» как «дискурса *возможного*». Таким образом, «римская идентичность» трактуется как постоянно воссоздаваемая в повседневной практике через социальные механизмы, религиозные действия и символическое пространство «римского» города этика поведения: «Для провинциалов римская идентичность проживалась в практических знаниях о том, как действовать в меняющемся социальном контексте, принимая соответствующие роли»⁷⁸⁸. Вместо единого, монолитного и нерасчлененного представления о «римской идентичности» появляется «несметное число потенциальных интерпретаций» того, что значит «быть римлянином»⁷⁸⁹.

Некоторую двойственность отношения к Римской империи современных англо-американских историков усматривает профессор античной истории Университета Эдинбурга Эндрю Эрскин, подчеркивая, что «постколониальный» дискурс не смог в полной мере освободиться от влияния

⁷⁸⁶ Ibid: 50.

⁷⁸⁷ Revell 2011: xi. Рецензия на монографию Л. Ревелл: Шистеров 2016.

⁷⁸⁸ Revell 2011: 192.

⁷⁸⁹ Ibid: x.

империализма⁷⁹⁰. При этом автор справедливо отмечает, что «темой» дискурса о римском империализме является не империя сама по себе, но то, как она создается, осмысливается и поддерживается, а также какую реакцию она провоцирует⁷⁹¹. Э. Эрскин также артикулирует мысль о том, что модель Римской империи была «принята на вооружение» политическими элитами Европы в пост-римскую эпоху (Священная Римская империя, «новый Рим» Наполеона «с его памятниками, изображениями и названиями в римском стиле», викторианская Британия и др.) и, таким образом, модернизированная, «дожила» до настоящего времени, так как «более мощные государства продолжают навязывать свою волю более слабым»⁷⁹².

Тезис об «архетипичности» Римской империи для политической архитектуры Запада в Новое и Новейшее время отстаивает и профессор Бристольского университета Невилл Морли в работе «Римская империя: корни империализма»⁷⁹³. Задачу современного исследователя он видит в том, чтобы «понять Рим и его непрекращающееся влияние, с целью подорвать его власть над современным воображением»⁷⁹⁴.

Таким образом, в «постимпериалистической» (или «постколониальной»), что в нашем случае одно и то же) исследовательской перспективе меняется трактовка «римского империализма», который современным ученым представляется многогранным феноменом, существующим в различных формах и контекстах, переплетенных в сложную сеть отношений между людьми, социальными группами, коллективами общин, провинциальными и имперскими властями. При этом основные структурные элементы «римского империализма» по-прежнему видятся исследователям в римской религии, урбанизме и культе императора: эти «структуры воспроизводят римскую власть, римское общество, римскую культуру, притом, что существует общее понимание того, что значит быть римлянином»⁷⁹⁵. Такой подход не отрицает (часто даже подчеркивает!) значение превосходящей военной силы Рима, который мог в случае необходимости (как то не раз бывало в действительности) сломить сопротивление инсургентов. Вместе с тем, некоторые исследователи переносят акцент на «союз интересов завоеванных с интересами завоевателей»⁷⁹⁶ через формирование «широкого дискурса римской идентичности» посредством «принятия» и последующего воспроизведения, трансляции в разных формах и с использованием конкретных адаптационных механизмов, «римских» (или квази-римских) представ-

⁷⁹⁰ Erskine 2010: 5.

⁷⁹¹ Ibid.: 3.

⁷⁹² Ibid: 3-4, ff.

⁷⁹³ Morley 2010. Основательная рецензия на эту работу: Махлаук 2013.

⁷⁹⁴ Morley 2010: 135.

⁷⁹⁵ Revell 2011: 191.

⁷⁹⁶ Ibidem.

лений о «правильной жизни» в политическом, социальном и культурном отношении⁷⁹⁷.

В отличие от классического дискурса римского империализма эпохи модерна, который, главным образом, артикулировал вопрос о том, каким образом Риму удавалось в течение длительного времени удерживать аннексированные территории и распространять на них свои законы и культуру (в форма «романизации»), современный дискурс составляют две противоборствующие тенденции: рассмотрение империализма с точки зрения опыта, который может быть осмыслен, заимствован и развит в современных условиях и анти-империалистического взгляда, пропагандирующего отказ от данной формы организации политической жизни как глубоко архаичной, агрессивной и потенциально опасной.

Список источников и литературы

- Махлаюк 2013** – Махлаюк А. В. «Архетипическая империя» в контексте современного империализма (Рец.: Morley N. Roman Empire: Roots of Imperialism. London – New York: Pluto Press, 2010. X, 160 p.) // Вестник древней истории. 2013. № 1. С. 222-231.
- Медовичев 2013** – Медовичев А. Е. Мэттингли Д. Дж. Империализм, власть и идентичность: Опыт Римской империи (Рец.: Mattingly D. J. Imperialism, Power and Identity. Experiencing the Roman Empire. – Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press, 2011 – XXIV, 343 p.) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. Реферативный журнал. 2013. Вып. 4. С. 34-48.
- Саид 2012** – Саид Э. В. Культура и империализм. – СПб., 2012.
- Шистеров 2016** – Шистеров М. В. Восемь ликов римского империализма (Рец. на кн: Revell L. Roman imperialism and local identities. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 221 p.) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3. С. 274-286.
- Ando 2015** – Ando C. Roman Social Imaginaries. Language and Thought in Contexts of Empire. Toronto; Buffalo; London, 2015.
- Arnold 1906** – Arnold W. T. Studies of Roman Imperialism. Manchester, 1906.
- Boardman (ed.) 2001** – The Oxford History of the Roman World / Eds. J. Boardman, J. Griffin, O. Murray. – Oxford; New York, 2001 (first published 1986).

⁷⁹⁷ О роли языка в конструировании имперской идентичности см., например, новейшее исследование Клифорда Андо: Ando 2015: 46-47, ff.

- CAH 2006** – The Cambridge Ancient History. 2nd ed. X: The Augustan Empire, 43 B. C. - A. D. 69 / Eds. A. K. Bowman, P. Garnsey, D. Rathbone. Cambridge, 2006 (first published 1996).
- CAH 2007** – The Cambridge Ancient History. 2nd ed. XI: The High Empire, A. D. 70-192 / Eds. A. K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott. Cambridge, 2007 (first published 2000).
- Erskine 2010** – Erskine A. Roman Imperialism. Edinburgh, 2010.
- Frank 1914** – Frank T. Roman Imperialism. New York, 1914.
- Hingley 1996** – Hingley R.
- Hingley 2005** – Hingley R. Globalising Roman Culture: Unity, Diversity and Empire. – London; New York, 2005.
- Mattingly 1997** – Mattingly D. J. Dialogues of Power and Experience in the Roman Empire // Dialogues in Roman Imperialism: Power, Discourse and Discrepant Experiences in the Roman Empire / Ed. D. J. Mattingly. Journal of Roman Archaeology. Supplementary Series no. 23.
- Mattingly 2011** – Mattingly D. J. Imperialism, Power and Identity. Experiencing the Roman Empire. – Princeton, 2011.
- Morley 2010** – Morley N. The Roman Empire: Roots of Imperialism. – London; New York, 2010.
- Revell 2011** – Revell L. Roman Imperialism and Local Identities. – Cambridge; New York, 2011 (first published 2009).
- Seeley 1889** – Seeley J. R. Roman Imperialism, and other Lectures and Essays. Boston, 1889.
- Webster 2003** – Webster J. Art as Resistance and Negotiation // Roman Imperialism and Provincial Art / Eds. S. Scott, J. Webster. – Cambridge; New York, 2003.

Maxim V. Shisterov

**ROMAN IMPERIALISM IN THE POSTIMPERIALISTIC
PERSPECTIVE**

(About some features of postcolonial historiography)

The article is devoted problem of Roman imperialism in interpretation of actual British and American historiography. The author considers some controversial issues related to the definition of Roman imperialism, Romanization, Roman-ness, local identities in the Roman Empire. The article demonstrated new approaches to understanding the phenomenon of Roman imperialism.

Key words: Ancient Rome, Roman Empire, Romanization, Roman imperialism, Roman-ness, historiography.